Гарри Поттер продолжал бежать, не обращая внимания на слезы, текущие по лицу, и жжение в икрах. Ему нужно было бежать.

В это время никто еще не проснулся, да и мало кто проснулся бы в два часа ночи, поэтому улицы были открытыми, пустынными и одинокими. Мертвые листья шумели, когда небольшой ветер гнал их по земле. Он не любил осень. Это означало, что в его шкафу очень быстро становилось холодно.

Оглянувшись назад, он не увидел ни громадной фигуры дяди Вернона, преследовавшего его, ни, зная его сердечную форму, семейного автомобиля, мчавшегося навстречу, поэтому он осторожно замедлил шаг и перевёл дыхание. Охота на Гарри его кузена Дадли поддерживала семилетнего ребенка в форме, но он бежал уже большую часть двадцати минут.

На глаза навернулись слезы, когда он вспомнил, как все это произошло.

Он не хотел этого.

Честно.

В один момент волосы злобного учителя-заместителя были обычными, тусклыми серовато-белыми, а в другой - ярко-синими. А то, что это произошло, когда он читал Гарри гневную лекцию о пропаже домашнего задания (которое украл Дадли), указывало на Гарри. К счастью, директор школы не смог найти никаких улик, которые бы прямо указывали на Гарри, несмотря на настойчивые просьбы мистера Маллигана.

Директору пришлось не раз усомниться в его логике, когда он утверждал, что семилетний ребенок обладает химическими способностями, необходимыми для придания волосам синего цвета, не говоря уже о том, что это происходит мгновенно и без прикосновения к волосам. В конце концов, он списал это на аномалию, возможно, связанную с шампунем, который он использовал, и отмахнулся от замены. После этого он сделал пометку проверить психическое здоровье мистера Маллигана.

Разумеется, по школьной системе директор должен был рассказать о случившемся тете Петунии. В присутствии директора ей удавалось сохранять спокойствие, но Гарри с шестилетним опытом мог понять, что едва заметное напряжение и поджатые губы означают, что позже ему за это что-то будет. Как только они оказались вне зоны видимости, его предсказание сбылось.

Как только они оказались дома, за надежно закрытой дверью, Петуния пришла в ярость. Она била и шлепала его, постоянно называя "уродом". Он готовил ужин, а она смотрела на него так, словно это могло привести к вспышке пламени. После этого она держала его руку над все еще горящим нагревательным элементом "для пущей убедительности". Когда она закончила, он до боли сжал обожженную руку и отчетливо услышал ее бормотание об "уродах", "выбивании из него силы" и "он такой же, как они". Он не знал, что это за "он" и кто такие "они", но в ее бормотании это сильно подчеркивалось.

Петунья рассказала Вернону через минуту после того, как он вошел. Гарри знал, что это будет не очень приятно: то, как он сказал "я дома", свидетельствовало о его вспыльчивости после рабочего дня. Уже одно это требовало от него нескольких хороших ударов, чтобы выплеснуть свое разочарование. А если он отреагировал так же, как тетя Петунья...

Он вел себя еще хуже.

Вернон сильно избил его в тот день после того, как он почти целый час бессвязно кричал и бушевал. Гарри с трудом терпел боль от каждого удара о стены и пол. Он знал, что дядя просто накажет его за "плач", но он старался, когда слышал, как трещит его рука после удара об пол.

В конце концов его, все еще истекающего кровью, запихнули в шкаф, и он остался без своего скудного ужина. Гарри провёл небольшую самопроверку. Судя по всему, он сломал руку, из носа сочилась кровь, глаз был опухшим и нежным, а все остальное было покрыто синяками разной степени тяжести.

Все это время он слышал их через щель в шкафу, подчеркивая "их" и "это" на хриплых тонах. Когда Дадли возвращался домой из дома друга, у которого он был в тот день, все остальное заглушалось либо видеоиграми в гостиной, либо его непрекращающимся нытьем о еде.

Все это время он молча сидел в своем шкафу. Он знал, что если нарушит их покой, то его избьют еще сильнее, а в данный момент он не хотел рисковать травмами. Он зажал в кулак кишки, чтобы они не взвыли от запаха и звуков готовящегося ужина.

Он уже начал останавливать поток крови, когда они закончили вечерний просмотр телевизора и он услышал их тяжелые шаги на лестнице над собой. В доме царилась кромешная тьма, так как все лампы внизу были выключены выключателем на верхней площадке лестницы. Он слышал их шарканье по лестнице, пока не смог разобрать слабый храп дяди Вернона и Дадли и изредка сонное бормотание Петуньи.

Он улегся, но не смог найти достаточно удобного положения, чтобы уснуть. Левое предплечье болело при каждом неверном толчке, а синяки в других местах не позволяли лежать, не морщась от давящей боли.

В конце концов он просто сел прямо и прислонился к дверце шкафа. Правой рукой он придерживал левую, чтобы кость не сжималась. Что же теперь будет? задался он вопросом. Он чувствовал, что рука определенно сломана: она слегка опухла, а посередине, где было больнее всего, красовался большой и неприятный синяк. Даже движение рукой вызывало обострение боли. Дядя Вернон никогда раньше не ломал костей. Пойдет ли он в больницу? Будет ли кому-то до этого дело? Что может случиться?

Он долго сидел и молча ждал. Он знал, что не может кричать по ночам и будить Дурслей. Это привело бы к ещё более жестоким побоям.

В конце концов он услышал, как маленькие куранты на безвкусовых настенных часах в гостиной пробили двенадцать. Он ничего не мог с собой поделать. Ему было страшно и больно. Несколько слезинок удалось выдавить из глаз.

Нет, ты не ребенок! мысленно отругал он себя. Он тихонько фыркнул и вытер глаза.

Но все равно он сидел в своем маленьком пространстве и смотрел на форточку, которую тетя и дядя забыли закрыть. Луна в эту ночь была яркой и выходила из-за облаков. Мягкий белый свет освещал кухню, а свет от полированных полов освещал остальную часть дома.

Гарри был поражен, как много он смог разглядеть. Телевизор, стол, вешалка...

Он моргнул.

У них не было вешалки.

И уж точно не такая высокая.

Его глаза приспособились к свету, и он смог разглядеть человека в черном костюме. С его точки зрения, фигура была очень высокой и одета в черный деловой костюм, похожий на те, что он видел на дяде Верноне по дороге на работу, хотя этот костюм был очень, очень тонким, в отличие от костюма Вернона. Решетка и угол наклона не позволили ему разглядеть лицо.

Фигура все это время не двигалась, но у Гарри возникло ощущение, что она что-то ищет. Он вздрогнул, когда до его оцепеневшего от боли сознания дошло: в доме был кто-то еще!

В начальной школе Гарри уделял внимание курсу безопасности, он знал о грабителях и взломщиках. Он знал, что они одеваются в странные темные цвета и врываются в дома по ночам. Этот человек явно пришел сюда, чтобы украсть вещи у Дурслей!

Боясь издать хоть звук, он сидел, не шелохнувшись. Прошло, наверное, минут пять, а фигура не сдвинулась ни на дюйм.

Гарри нахмурился. Вместе с остальными учениками он смотрел мультяшный ролик по безопасности. Там показывали, как человек в темной одежде с коричневой сумкой и фонариком ходит по дому и забирает вещи. Только вот грабитель, изображенный на картинке, комично ходил на цыпочках или преувеличенно "степенной походкой". А эта фигурка просто стояла. Гарри задумался, так ли поступают настоящие грабители... Он втайне гадал, где же здесь "кража".

Вдруг пыль в шкафу защекотала ему нос. Не успел он остановиться, как в тишине дома раздался взрывной чих.

В ужасе он зажал рот рукой и, вздрогнув, медленно обернулся к отверстию в решетке. Фигура стояла на том же месте, что и раньше, но она сместилась...

В сторону шкафа!

Гарри отшатнулся назад, прижавшись к дальней стене своего помещения, и издал приглушённый крик, когда сломанная рука напомнила ему о её присутствии. Он решил, что больше шуметь бесполезно, ведь грабитель явно знал, где он находится.

Он слышал только собственное дыхание, наблюдая за светом, проникающим сквозь вертикальные планки вентиляционного отверстия. Фигура не издавала никаких звуков, но двигалась перед решеткой, загораживая свет. Что-то, похожее на мягкое скольжение змеи, зашевелилось снаружи, и он услышал тихий щелчок защёлки шкафа.

Сбитый с толку, Гарри сидел, прижавшись к стене, пока фигура удалялась, а свет снова вливался в комнату. Он долго не решался пошевелиться, пока не услышал, как часы пробили 1.

Он медленно пробрался к вентиляционному отверстию и выглянул наружу.

Луна еще не взошла, и он ничего не мог разглядеть вокруг. С опаской он прислонился к двери и чуть не потерял равновесие, когда она распахнулась. Он открыл ее полностью и вышел в залитый лунным светом дом.

Фигуры рядом не было, как и следов или каких-либо признаков того, что она здесь когда-то была.

Гарри вернулся на свою койку в шкафу, чтобы все обдумать.

Как мне это объяснить? подумал он. Что скажет дядя Вернон, если я скажу ему, что кто-то вломился в дом и не сделал ничего, кроме того, что отпер мой шкаф? Скорее всего, он просто обвинит меня в том, что я сам его отпер, и попросит поставить новый замок и засов. А потом, вероятно, обвинит меня в краже, несмотря на то что ничего не пропало.

Он вздохнул и переместил свой вес. И снова почувствовал резкую вспышку боли в руке. Посмотрев вниз, он увидел, что кожа на месте боли покрылась пятнами, а несколько порезов начали выделять желтоватую слизь. Впрочем, он не был брезглив. Дурсли и раньше наносили ему порезы и ожоги, от которых иногда появлялась эта желтая слизь.

Правда, раньше он не мог остановиться, чтобы отмыть ее.

Он принимал только короткие ванны, расположенные очень далеко друг от друга. Пятиминутных перерывов в ванной не хватало, чтобы сделать свои дела и как следует промыть раны. В остальное время он либо сидел в шкафу, либо работал в саду.

Глядя на желтый гной и синяки, он решил, что загадочный человек или нет, но он может хоть раз выбраться из своего шкафа и справиться с Пэйном. Он медленно открыл дверь, вздрагивая от каждого скрипа петель в тишине дома, но непрерывный приглушенный храп позволил ему расслабиться.

Он прокрался вверх по лестнице, стараясь избегать скрипучих половиц и ступенек, ослабевших от напряжения, вызванного необходимостью справляться с тяжестью кузена и дяди. Ему удалось добраться до туалета на верхнем этаже.

<http://tl.rulate.ru/book/105039/3692784>